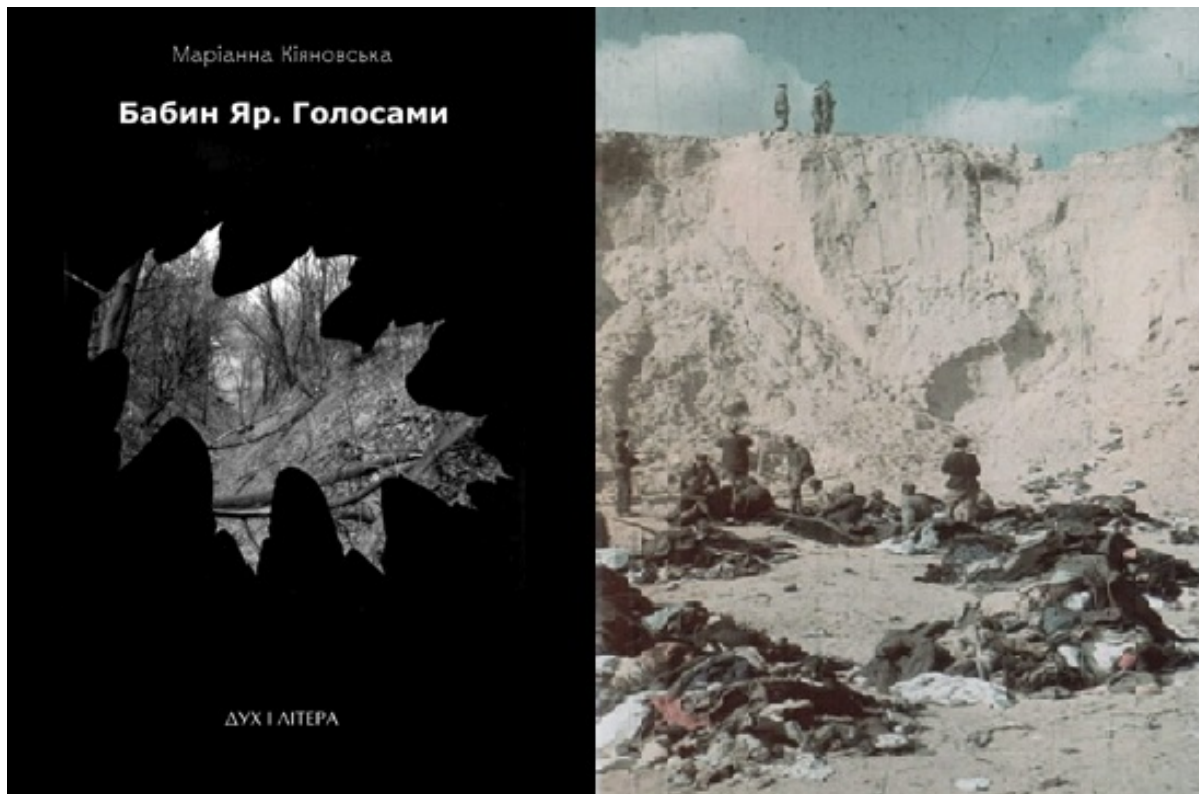

В Киеве вышел сборник Марианны Кияновской о Бабьем Яре

Маріанна Кіяновська,

Бабин Яр. Голосами. — К.: ДУХ І ЛІТЕРА. — 2017. — 112 с.

Вот-вот ворвется в мир то ли звон, то ли крик, то ли пение... Тревожно: скоро грянет дождь.

На горизонте вспыхнула дымка. Тяжелая пыль нависла над раскаленной степью. Тишина затаилась за столетним дубом в ожидании чего-то неизбежного. Воздух настолько густой, что его трудно глотать. Вдруг гнетущую тишину острым лезвием прорезал какой-то пронзительный звук. Прислушались — голос.

XX век. Киев. Урочище Бабий Яр. Смерть своими ручищами запускает конвейер, который перемелет около 100 000 человек, из них — 65 — 70 тысяч евреев. Это по официальным данным, но живые не успевают считать мертвых, а мертвые на первый-второй не рассчитываются ...

Однако после массовых расстрелов в Бабьем Яру, после хождений и падений, блужданий и возвращений, опустошения и по-Стусовски *самособоюнаповнень* остается память, которая обращается к нам голосами. Мы все услышим их, стоит только прислушаться.

Писательница Марианна Кияновская четко и громко слышит голоса расстрелянных, замученных, сожженных. Голоса провинившихся перед дьяволом тем, что родились евреями. Но на страже возле них всегда стоит Бог ... В своем поэтическом сборнике автор визуализирует эти голоса. Она говорит с ними и ими. Сердцем. Памятью. Поименно.

Тысячи лирических героев диктуют Марианне Кияновской строки этой бесконечно мучительной вечности: ребенок, мать, отец, дед, сосед, шмулик, роза, яша, ицхак... Все они делятся с писательницей историей своей жизни, ценой смерти, влажностью слез и ладоней, каплей мира и света, страхами, любовью и крошкой мацы, а **...місце де лежала маца як сонце і місяць...** (с. 24)

...В текстах стихотворений отсутствуют какие-либо символы. Ни одна запятая, тире, двоеточие не должны мешать словам, выражающим боль. Пунктуация существует для того, чтобы в один миг остановиться посреди предложения, но чего стоит она во время непрерывного танца дьявола на до сих пор пульсирующих телах невинно убиенных:

...мене уже не врятує ніщо чи ніщо крім можливо сліз... (с. 7)

Поэтому в стихах Кияновской нет ни знаков препинания, ни больших букв, кроме, конечно, слова Бог. Этот поток сознания коррелирует с чувствами каждого, кто видел неизбежность собственной смерти, и каждого, кто слышит голоса, заключенные в расстрелянной вечности. Молитва матери:

...та в мене для тебе знайдеться усміхнений Бог і він тебе пташко на руці візьме і пригорне... (с. 58);

плач ребенка: **...я не хочу собак і солдатів хочу спати і мама зі мною... (с. 17);**

боль умирающих по умирающим: **...жінка плаче з дитиною скраю я дивлюся на них і вмираю... (с. 87)...**

После Первой мировой Ремарк писал в своем «Черномobeliske»: «...смерть одного человека — это смерть, а смерть двух миллионов — только

статистика». Цинизм этой сентенции особенно остро ощущается во времена массового истребления людей. Поэтому масштабность преступления побуждает не только к поименному упоминанию жертв репрессий, но и к осознанию трагизма смерти каждого человека. Ведь каждый человек — это мир, встроенный мышцами и сосудами в бесконечность человеческого пространства: **...шмулік впав із кулею у скроні і перевернулася земля...** (с. 20)

Марианна Кияновская

Вот здесь, на месте преступления, под свист пуль, сквозь густой слой дыма, крики и молитвы и раскрывается писательницей философия смерти каждого погибшего еврея. А заключается она в знаке, указывающем путь человеку из одного мира в другой. И знак этот — свет, которого заслуживает каждый после тьмы репрессий и войн:

...і стало світло прадороговказом... (с. 68)

Этот свет — символ жизни после смерти. Однажды директор Центра иудаики Леонид Финберг, вспоминая, с чего начиналась деятельность Центра, сказал: «Мы должны были похоронить мертвых...». Какая вековая истина, израненная кровью брата: только по-человечески похоронив каждого погибшего не по-человечески еврея, можно услышать их возрожденные и согретые светом

голоса:

**щоб свідчити мушу вціліти не вижити ні вціліти це інше ніж вижити
голосу ради... (с. 34)**

Нам всем, без всяких расовых и классовых различий, — просто людям — остается сверхважная миссия: не бояться узнавать и помнить, чтобы не дай Бог, никогда! И поможет в этом книга стихов Марианны Кияновской «Бабий Яр. Голосами». С первых ее строк, акценты и паузы в которых каждый расставит сам, слышно, как громко свидетельствует убитый, как больно разрастается свет, как неизбежно начинается гроза.

Анна Пешкова, специально для «Хадашот»